

—

Скрипнув, деревянная дверь издала предупреждающий звук.

Хуан Маньцзин внесла в комнату немного завтрака и сразу же увидела гера, сидящего за столом спиной к двери.

Она нахмурилась: «Встал уже, почему не отвечаешь, когда мама зовёт?»

Таоюй поспешно опустил штанины, привёл в порядок одежду и только тогда повернулся: «Я мазал мазь, не слышал».

Хуан Маньцзин поставила завтрак на стол: «Как только ты начинаешь возиться со своими баночками и скляночками, уши будто закладывает».

«Подойди, выпей немного каши, только что из печи».

Таоюй ответил, притворяясь, что ничего не случилось, и, сдерживая боль в колене, подошёл к столу и сел.

Он взял ложку, помешал белую кашу, чтобы остудить, и сухо кашлянул: «Мама, иди занимайся своими делами, я поем и сам отнесу».

«Не беспокойся».

Хуан Маньцзин, глядя на своего сына, жующего булочку, слегка вздохнула: «Ни один из вас, детей этого поколения, не доставляет покоя. Твой старший двоюродный брат из семьи тётушки, ему в этом году уже больше двадцати лет. Позавчера он пошёл свататься в семью Чжэн, а они отказали, он посчитал это позором и стал кричать, что уедет из деревни, чтобы попытать счастья».

«В этот холодный зимний месяц, когда все снаружи спешат в деревню, чтобы провести Новый год в кругу семьи. А он, наоборот, думает о том, чтобы бежать куда-то».

«Это брат хочет уехать?!»

Таоюй широко раскрыл глаза, недоверчиво глядя на мать.

«Кто ещё пойдёт, если не он? Что за слова ты говоришь».

Таоюй поджал губы, которые были раскрыты от удивления, и неловко почесал ногу.

Какой цирк, он чувствовал себя шутком.

Хуан Маньцзин, видя странное выражение лица своего сына, спросила: «Что случилось?»

Таоюй поспешно покачал головой: «Нет, ничего. У брата всегда была сильная гордость, он унаследовал характер тётушки, которая любит много думать и беспокоиться, поэтому такое поведение вполне логично».

Хуан Маньцзин беспомощно сказала: «Твой папа наскоро позавтракал и уже пошёл к твоей тётушке уговаривать его».

Таоюй сказал: «Брат не хочет добросовестно заниматься земледелием, разве он сможет хорошо заниматься другими делами? И папа тоже, у нашей семьи и у семьи тётушки давно уже были разногласия, а он всё равно так услужливо пошёл уговаривать».

«Ты думаешь, я хотела, чтобы твой папа шёл?»

«В детстве Юань Фэй часто приходил сюда, чтобы поиграть с тобой. Этот негодник говорил, что ты такой миленький, чуть что — сразу хотел поцеловать в лицо, а твой папа дал ему пощёчину, и он, воя, убежал к тётушке плакать».

«Твоя тётушка изначально была мелочной, злилась несколько дней и не разрешала Юань Фэю больше приходить. А потом, набравшись наглости, пришла к твоему папе и сказала, что дети хорошо играют, может, стоит обручиться?»

Хуан Маньцзин, говоря, рассердилась: «Ясно же, что твой папа не любит эти браки между родственниками, а она, получив отказ, ещё и пошла плакаться и жаловаться твоему дяде. Говорила, что твой папа презирает их семью, и так далее. А потом, когда ты обручился с семьёй Юй, она стала ещё сильнее бушевать, каждый раз при встрече говорила что-то язвительное».

Таоюй тайком посмотрел за спину, его лицо слегка пылало, он поспешно потянул мать за рукав: «Зачем ты вспоминаешь эти старые истории, мама?»

Хуан Маньцзин сказала: «Им не стыдно, а тебе стыдно».

«Твоя тётушка приходила раньше плакать, говорила, что даже если он не признаёт её как сестру, то как староста нашей деревни, он должен помочь и уговорить его. Ох, это просто куча неприятностей, скорее всего, он снова попросит твоего отца найти ему работу по знакомству».

Таоюй сказал: «Скажи папе, чтобы он просто немного уговорил, сейчас межсезонье, работу найти не так просто. К тому же у двоюродного брата Юань Фэя нет никаких особых достоинств, тяжёлый труд он не выдерживает, даже если и по знакомству, его всё равно не возьмут».

«Я уже предупредила твоего папу».

Таоюй снова кашлянул: «Тогда я поем, мама, ты сначала выйди».

Хуан Маньцзин была очень раздражена, но не удивилась, почему Таоюй сегодня трижды пытался её выпроводить.

«Тогда ешь побольше, на улице дождь, сегодня никуда не бегай».

«Угу».

Таоюй закрыл дверь и снова прислонился спиной к двери, прислушиваясь к удаляющимся шагам, только после этого поспешно подбежал к своей кровати.

Он отодвинул занавеску и, увидев Хо Шу, сидящего на кровати с задумчивым видом, немного виновато потянул за край одеяла: «Ещё не спустился».

«Прятать людей умеешь».

Хо Шу холодно заметил: «Наверное, раньше часто прятал».

Уши Таоюя покраснели, он со стыдом схватил подушку и бросил её в Хо Шу, который сидел на его кровати, неподвижный, как скала.

«Только и знаешь, что болтать!»

Хо Шу поймал подушку, пристально глядя на Таоюя: «С детства привлекательный».

Таоюй, под пристальным взглядом Хо Шу, почувствовал, как сердце у него сжалось, словно он действительно в чём-то перед ним виноват.

Но, подумав, он понял, что ничего плохого не сделал, зачем ему чувствовать себя виноватым?

«Я... я привлекательный».

Таоюй с покрасневшим лицом возразил: «Если бы я не был привлекательным, я бы и тебя,

великого Будду, не привлék».

Дойдя до этого, Таоюй прикусил губу и пробормотал: «Это же просто страсть к красоте, ничем не отличающаяся от их».

Хо Шу, услышав это, нахмурился, а затем внезапно схватил Таоюя за запястье. Всего лишь лёгкое движение, и гер у кровати приземлился на него.

«Моё намерение было не от страсти к красоте, а от удивления, что есть такой слабый человек, как ты».

«Ты!»

Таоюй прижался к Хо Шу, его сердце стучало как барабан, лицо горело, словно он созрел.

Не говоря уже о том, что он никогда не был так близок к мужчине, да ещё и на своей кровати.

Но, слушая его оправдания, он только ещё больше рассердился. Он хотел оттолкнуть его, чтобы доказать свою невиновность, но понял, что перед ним он совершенно бессилён.

Он сердито сказал: «Значит, ты думаешь, что я такой легко управляемый, что мной можно вертеть, как хочешь, да?»

Хо Шу, видя, что человек действительно рассердился, отпустил его:

«Что касается боевых навыков, то любая женщина или гер для меня одинаковы».

«Ты очень хороший, очень умный».

Хо Шу сказал: «Не сердись, я говорю не очень приятно, мои слова не передают мои мысли. Но меня привлекла не твоя красота».

Таоюй, видя человека так близко, сильно покраснел, и сердце его бешено колотилось.

У Хо Шу были тонкие губы, высокий лоб и нос, отчего он выглядел особенно агрессивно. К тому же, он родился на севере, и его кожа была немного обветренной, что делало его ещё более резким и неприступным.

Эти свирепые глаза, которые в первый раз напугали его, однако, иногда проявляли редкую нежность и теплоту, особенно когда он его уговаривал.

Таоюй чувствовал, что Хо Шу не будет говорить много нежных слов, но хотя и не было сладких речей, он всё равно мог его успокоить.

Возможно, отсутствие этой мишуры, наоборот, облегчало восприятие искренности.

Он поднялся с Хо Шу: «Знаю... знаю».

Сказав это, он с покрасневшим лицом вернулся к столу, чтобы продолжить есть, скрывая своё волнение.

Хо Шу последовал за ним, спустившись с кровати, и оглядел комнату Таоюя.

«Что ищешь?»

«Смотрю, что ещё нужно для будущего жилья».

Таоюй, услышав это, отложил булочку: «Ты... ты будешь здесь жить?»

«После свадьбы мы разве не будем жить вместе, где же мне жить?»

«Я имею в виду, после свадьбы разве не следует жить...»

Таоюй немного смутился, понизил голос: «Жить у тебя?»

«Условия в доме Чжао намного хуже, ты точно не сможешь привыкнуть к жизни там. Там сквозняки и холодно, ты ведь сам по себе легко мерзнешь, легко простужаешься».

Хо Шу приподнял бровь: «Жить у тебя, и мне не придётся тратить на ремонт. Ты же знаешь, у меня не так много денег».

Так сказано, словно он был слишком избалован.

Таоюй пробормотал: «Я не такой уж и неженка, есть крыша над головой и место для сна, вот... вот и хорошо».

Сказав это, он снова подошёл к шкафу, немного порылся и вскоре вернулся с коробкой в руках.

Он подтолкнул коробку к Хо Шу: «Эм, я не накопил много денег, ты возьми их пока, на всякий случай».

Таоюй немного заикаясь объяснил: «Мой отец очень любит сохранять лицо, сейчас он уже не так требователен к пышности, главное, чтобы этикет был соблюден».

Хо Шу посмотрел на коробку на столе, затем взглянул на немного смущённого Таоюя, чувствуя одновременно беспомощность и другие эмоции.

«Ты что дурак? Даёшь деньги, чтобы на тебе женились».

Он вернул коробку обратно: «Я пошутил, а ты и вправду поверил».

«По словам старосты, свадьбу хотят сыграть как можно скорее, но если отремонтировать дом Чжао, то это определённо будет после Нового года. К тому же, я уже обещал старосте, что ты можешь жить дома, если хочешь».

Таоюй знал, что родители имея единственного ребёнка, не хотели его отпускать, и это было естественно. Но если он женится и всё ещё будет жить дома: «Тогда ты станешь зятем, пришедшим в семью?»

Хо Шу сказал: «Меня это не беспокоит».

На севере клановые понятия не так сильны, как на юге, жизнь и смерть — великие дела, остальное — лишь мирские вещи.

Таоюй прикусил губу, чувствуя, что Хо Шу слишком сильно ему потакает: «Тогда... тогда пусть будет, как решат папа с мамой».

Он, кажется, что-то ещё понял: «Когда ты говорил об этом с моим отцом?»

«Это было довольно давно, тогда староста не согласился. Но теперь он согласился».

Таоюй моргнул. Он действительно заранее всё обдумал.

Хорошо, что он до сих пор не знал об этом, но сначала договорился с родителями, а остальное можно было легко уладить.

«Ты действительно не возьмёшь эти деньги?»

Таоюй неуверенно переспросил.

«Если у меня нет денег на сватовство, я бы не пришёл с такой наглостью».

Хо Шу не удержался и погладил Таоюя по голове: «Не волнуйся».

Таоюй кивнул.

Как только Хо Шу ушёл, Таоюй полностью погрузился в предвкушение и радость скорой свадьбы.

Перевернувшись пару раз на кровати, он поспешно достал альманах. У него не хватило смелости спросить Хо Шу, когда тот придёт свататься.

Он сам просмотрел календарь, чтобы найти подходящие дни для сватовства в этом месяце. Семья, по сути, согласилась на этот брак, и хотя проблем стало меньше, подготовка подарков и приданого по случаю помолвки все еще была хлопотной.

Его отец думал, что можно всё сделать до Нового года. В холодный зимний месяц хочется праздника, чтобы развеять тоску. Раз уж решение принято, он тоже хотел бы поскорее.

Просмотрев следующие три-пять дней, он нашёл немало хороших дней, успокоился, закрыл альманах и выскользнул из комнаты, ожидая, когда отец вернётся и расскажет ему об этом.

Ближе к полудню Цзи Янцзун, в соломенной шляпе и плаще, с очень вытянутым лицом вошёл в мокрый от дождя двор.

Дойдя до внутренней части дома, он снял шляпу и плащ, стряхивая с себя дождевую воду.

Таоюй, греющийся на кухне, услышал шум и поспешно выскочил: «Папа, ты вернулся!»

Цзи Янцзун, увидев своего ребенка, который вчера целый день дулся на него, а сегодня снова развеселился, немного смягчился: «Угу».

Таоюй, видя, что отец выглядит неважно, не спешил говорить о свадьбе, а сначала спросил: «Как там двоюродный брат Юань Фэй, удалось ли его уговорить?»

При упоминании этого Цзи Янцзун рассердился: «Пусть бы он умер где-нибудь на чужбине, чтобы вся семья перестала фантазировать о чём-то таком красивом».

«Мне не следовало слушать, как третья сестра плачет».

Хуан Маньцзин спросила: «Что случилось? Он попросил тебя найти ему работу?»

«Даже если бы попросил работу, я бы ещё мог сказать, что Юань Фэй стремится к лучшему».

Цзи Янцзун выругался: «Третья сестра сказала, что хочет сосватать Юань Фэя, что его неугомонность из-за того, что он не женат, а когда женится, то успокоится. Только что он пошёл свататься к семье Чжэн и получил отказ, а третья сестра такая наглая, что снова задумала что-то с Сяо Таоцзы. Говорит, что сейчас они оба не обручены, и возраст подошёл, так что им было бы неплохо пожениться. Говорит, что они кружили-кружили, и у них есть судьба».

Хуан Маньцзин, услышав это, тоже вспыхнула: «Юань Фэй пошёл свататься к семье Чжэн и получил отказ, разве она не знает, что Юань Фэй ненадёжный? Раньше она уже получала отказ, а теперь снова задумала!»

Цзи Янцзун с мрачным лицом сказал: «Старший брат тоже был там, я не стал прямо ей возражать, но и не дал своего согласия. Сейчас мне всё равно, что там будет с Юань Фэем, такой взрослый мужчина, а всё ещё зависит от родителей и клана».

Таоюй тоже не особо радовался, он боялся, что разговоры о далёких странствиях — это ложь, а истинное желание — заключить брак.

Когда не получилось снаружи, он переключил внимание на родственников по материнской линии, это действительно неприлично.

«Я не хочу выходить замуж за двоюродного брата, папа, скажи, что я уже обещан».

Цзи Янцзун сказал: «Кому сказать, что ты обещан? Твоя тётушка самая назойливая, лучше уж прямо сказать, что не получится, иначе, если её обмануть, кто знает, какой скандал она поднимет».

«Просто... просто скажи, что обещан Хо Шу».

Сказав это, Таоюй, покраснев, убежал обратно в комнату.

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин остолбенели, затем переглянулись и засмеялись: «Вот так гер».

—

Вернувшись домой, Хо Шу рассказал приёмной матери о своём намерении жениться. Юань Хуэйжу, увидев, что Хо Шу, ни слова не говоря, действительно добился согласия семьи Цзи, тут же обрадовалась, словно наступил Новый год.

«Свадьба, большая свадьба! Мама сейчас же позовёт сваху и подготовит всё!»

Хо Шу, хотя и хотел поскорее всё уладить, всё же заранее объяснил Юань Хуэйжу.

«Только я обещал старосте, что после свадьбы Таоюй будет жить дома».

Юань Хуэйжу вздрогнула: «Ты имеешь в виду, что станешь зятем, пришедшим в дом жены?»

«Будем проводить церемонию бракосочетания, но он привык жить дома, поэтому пусть живёт дома».

Юань Хуэйжу тут же снова засмеялась: «Если ты не против, мама не имеет ничего против».

«Ты ещё молод, главное — создать семью, остальное второстепенно. К тому же, вы живёте в одной деревне, дома близко, так что неважно, где вы будете жить, я не против. У старосты только один гер, его требование вполне обычное, главное, чтобы это соответствовало твоему желанию».

Хо Шу немного помолчал, затем сказал: «В будущем ещё будут воссоединения семьи».

Юань Хуэйжу не совсем поняла смысл слов Хо Шу, она полностью погрузилась в радостное событие и ответила: «Угу».

Раз обе стороны уже согласились на этот брак, можно приступать к делу.

Однако, в каждом деле есть свои специалисты, и для такого дела нужен был профессионал.

Днём Юань Хуэйжу, несмотря на дождь, отправилась договариваться со свахой, зная, что семья Цзи ценит репутацию, она специально пригласила самую известную сваху в деревне.

Цю фулан из семьи Цинь.

Из-за беспорядков с бандитами в последнее время в деревне было мало свадеб, иначе было бы не так легко пригласить Цю фулана.

Услышав, что речь идёт о гере старосты, Цю фулан очень обрадовался и, собравшись, рассказал матери и сыну о правилах сватовства.

«Хотя свадебные обряды сложны, в общем они сводятся к трём книгам и шести церемониям».

«Три книги — это брачный договор, список даров и приглашение на свадьбу. Шесть церемоний — это сватанье, запрос имени, объявление помолвки, вручение обручальных даров, выбор даты и встреча невесты».

Сначала мужчина приглашает сваху пойти в семью женщины и сделать ей предложение руки и

сердца. Если семья женщины согласна, мужчина приносит в качестве подарка живого гуся, чтобы официально сделать предложение.

После предложения через сваху спрашивают дату рождения невесты, чтобы сравнить её с датой рождения мужчины. Если они совместимы, он сообщит об этом женщине, сделает предложение, а затем отправит живого гуся и подарки, чтобы скрепить помолвку.

После помолвки мужчина посылает невесте подарок и сообщает ей благоприятную дату для свадьбы, а она выбирает ее.

И, наконец, в назначенную дату происходит свадебная церемония.

Однако многие семьи отказывали на первом же этапе, когда сваха приходила с предложением, и тогда никакого продолжения не было.

Цю фулан терпеливо рассказал весь процесс, а затем спросил: «Знает ли староста о ваших намерениях?»

«Знает, этот брак уже был одобрен обеими сторонами, просто нужно пройти формальности».

Юань Хуэйжу сказала это немного самодовольно.

Цю фулан был удивлён. Хотя помолвка семьи Цзи и семьи Юй была расторгнута, это вызвало большой резонанс, что повредило репутации гера семьи Цзи.

Но, как бы там ни было, это была беда из-за неверного выбора, и любая разумная семья всё равно могла бы иметь дело с ними.

С такими условиями, как у семьи Чжао, и тем, что он был приёмным сыном из чужой деревни, удалось договориться о браке с единственным сыном старосты. Никто бы не поверил, если бы это сказали.

Но, видя самодовольный вид Юань Хуэйжу, и то, что она не казалась притворяющейся, к тому же, он помогал им свататься, и не было необходимости обманывать его.

Цю фулан, будучи удивлённым, был также очень рад, ведь деньги за сватовство гораздо меньше, чем за успешный брак.

Деньги — это одно, но если он заключит брак для семьи старосты, то в будущем он будет иметь почёт, когда будет сватать других, и ему будет о чём поговорить, так почему бы и нет?

«Хорошо, хорошо! В нашей деревне давно не было таких хороших событий! Раз так, то это легко. Во время сватовства и запроса имени можно заранее подготовить список приданого, и заранее выбрать несколько счастливых дней, тогда всё пойдёт быстро».

Цю фулан говорил всё радостнее, поднял руку и достал из-за пазухи свой календарь. Юань Хуэйжу поспешно наклонилась к нему, и они вдвоём обсуждали выбор даты.

Хо Шу нахмурился, впервые серьёзно изучая свадебные обряды, которые были действительно сложными и запутанными. Однако, думая о том, на ком он собирался жениться, он не выражал никаких недовольств по поводу затраченных усилий.

«А какие требования к подарку на помолвку?»

«О, точно, точно».

Цю фулан, услышав внезапное, ни с того ни с сего замечание Хо Шу, на мгновение не смог среагировать.

Они долго обсуждали, а он ни разу не открыл рта, и можно было подумать, что он недоволен этим браком.

Это его даже удивило: Хо Шу не казался человеком, который будет вникать в мелочи, но он, оказывается, довольно серьёзно к этому относился.

Увидев это, он догадался, почему староста согласился на этот брак.

Он поспешно достал из-за пазухи немного помятую бумажку: «Обычно это такие вещи, можешь готовить по списку».

Хо Шу развернул бумагу и пробежал глазами.

Он увидел много перечисленных вещей, всякой всячины.

Например, большая сумма в качестве обручального дара, а также морепродукты, три вида мяса, свадебные лепёшки, кокосы, четыре вида сухофруктов, четыре вида сладостей и так далее...

«Эти вещи в основном имеют благоприятное значение, например, вино символизирует глубокую любовь, а про красные финики и лонган и говорить нечего».

Цю фулан дал несколько советов: «Если вы сможете подготовить все эти вещи, это будет очень

достойно».

Крестьяне, в конце концов, живут скромно, и свахи это понимают, поэтому они также очень заботятся о мужчине.

Хо Шу сказал: «Завтра утром я пойду закупаться».

«Тогда когда ты хочешь прийти в семью Цзи свататься? Раз уж староста уже согласился на этот брак, то во время сватанья можешь привезти гуся».

«Послезавтра».

Мастер Цю был доволен такой поспешностью, чем раньше дело будет улажено, тем всем будет спокойнее.

«Я думаю, брат Хо — прямолинейный человек, ладно, послезавтра утром пойдём к семье Цзи».

Юань Хуэйжу засмеялась: «Тогда придётся побеспокоить Цю фулана».

Через два дня Хо Шу был занят, и Таоюй тоже не сидел без дела.

«Твоё приданое уже давно готовится, например, подушки и одеяла мама уже вышила, тазы, расчёски и зеркала ещё нужно купить, но это мелочи, пусть твой отец съездит в город. Главные вещи давно готовы, так что не страшно, если времени будет мало».

Говоря это, Хуан Маньцзин снова спросила: «А вышивка, которую нужно вернуть после вручения приданого, у тебя есть?»

Таоюй кивнул: «Вышитая раньше подойдет?»

«Подойдет».

Хуан Маньцзин тщательно подсчитывала недостающие вещи и не могла не беспокоиться: «Не знаю, успеем ли мы сшить свадебный наряд, если, по словам твоего отца, свадьба будет до Нового года, то времени будет в обрез. Если нет, то придётся просто снять мерки и отдать в городское ателье».

«Надо было тебе давно сшить, но ты каждый год растёшь, трудно было снять точные мерки».

Таоюй смотрел, как его мать беспокоится о его свадьбе больше, чем он сам.

Сейчас он думал только о том, когда Хо Шу придёт свататься. С тех пор как они виделись позавчера, он больше его не видел.

Он знал, что Хо Шу, должно быть, занят свадебными хлопотами, но он очень хотел его увидеть. Раньше, если он не видел его три-пять дней, ничего не было, но сейчас, когда всё раскрылось, ему становилось тревожно, если он не видел его полдня.

Подумав об этом, его уши невольно покраснели. Он даже не знал, что он такой прилипчивый.

Если Хо Шу потом узнает, что он такой, интересно, не покажется ли ему, что он его достаёт.

«Я с тобой разговариваю, ты слышал?»

Хуан Маньцзин, глядя на сидящего рядом сына, который, подперев голову рукой, витал в облаках, не зная, о чём думает, не удержалась и ущипнула его за щёку.

«А?»

«Мама спрашивает, хорошо ли ты всё обдумал, если это дело решится, то назад дороги не будет».

Таоюй поджал губы: «Я всё обдумал».

Хуан Маньцзин вздохнула: «Я вижу твоё счастливое выражение лица, ты действительно так рад? Раньше, когда речь шла о браке с Юй Эрланом, я такого не видела».

Таоюй немного смутился, когда ему это сказали, и пробормотал: «Папа сказал, что после свадьбы я всё равно буду жить дома, я, конечно, счастлив».

Сказав это, на лице Хуан Маньцзин тоже появилась улыбка: «Трудно поверить, что он готов сделать это ради тебя, думаю, после свадьбы он тоже не будет обижать тебя».

«Угу».

Таоюй мечтательно ответил. Не успели слова прозвучать, как его чуткое ухо уловило, как снаружи забежал Да Ню и крикнул, что кто-то пришёл.

Таоюй встал, его глаза загорелись, и он посмотрел на мать: «Это он пришёл?»

—

<http://bllate.org/book/14480/1281196>